

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА КОТА БАСЁ

М. С. Будько

ГУО «Гимназия №28 г. Минска»,
пр. Рокоссовского, 93, 220085, г. Минск, Беларусь, melkiy@tut.by

Устанавливаются основные поэтические приёмы, используемые автором при создании художественной реальности произведения; цель исследования – характеристика образной системы любовной лирики Кота Басё на примере анализа трёх стихотворений.

Ключевые слова: современная литература; поэзия; модернизм; любовная лирика.

Современная художественная литература представлена широким спектром самых разнообразных произведений. Финансовые и технические возможности социума позволяют демонстрировать читателю как хорошо известные имена, так и достаточно новые. Поэзия тяготеет к поиску синтезированных форм и жанров. Однако проблемное поле текстов затрагивает наиболее насущные аспекты жизни: от остросоциальных до личных.

Так, например, стихотворения Кота Басё (Светланы Лаврентьевой) глубоко интимны. Большинство из них можно отнести к монологической любовной лирике, где авторское эксплицитное «Я» обращено к совершенно конкретному оппоненту:

Я любила тебя любовью больной, как Бог,
Изнывающий от нежности по ночам.
Невозможная женщина, дай мне хотя бы боль.
И мне будет, о чём молчать [1].

Светлана Лаврентьева – мастер изумления. Она действует на самые болевые точки человеческой души, используя оксюмороны, выделяя смысловые акценты. Так, в словосочетании *любовью больной* прилагательное *больной*, стоящее после существительного, усиливает эффект восприятия, ведь для рифмы стихотворения перемена мест этих слов не имеет особого значения, однако крайне важна для смысла. В дальнейшем следует уточнение «как Бог», что еще удивительнее для читающего, поскольку в нашем менталитете плотно укоренено понятие христианской любви. Возникает вопрос: почему Бог любит больной любовью? Или ‘больной’ в данном случае можно приравнять к ‘жертвенной’? Ведь дальше следует пояснение: «изнывающий от нежности по ночам» [1].

Очевидно, Светлана Лаврентьева – человек, развитый духовно и интеллектуально, а каждое слово произведения выверено. Соответственно, в

этой одной фразе автор доносит до читателя философскую мысль богоподобия: все мы созданы по подобию Творца, а раз способны любить так горячо и пламенно, изнывая от нежности, значит и он, Великий мученик, не лишен этого страдания, а нам, его детям, остается лишь нести эту ношу.

Словосочетание *невозможная женщина* – еще один смыслообразующий узел. Прилагательное *невозможная* употреблено одномоментно в двух значениях: ‘уникальная’ и ‘совершенно несносная’, поскольку она, очевидно, не дарит ни желанной любви, ни хотя бы боли лирическому герою: «Невозможная женщина, дай мне хотя бы боль / И мне будет, о чём молчать» [1]. Чувства вопрошающего настолько сильны, что он просит подарить любую реакцию на его муки, только бы получить ответ. Если страсть не разгорается, а нежность изводит по ночам, то, возможно, боль спасет положение и заставит героя найти покой в немоте.

Стихотворение состоит из одной строфы, однако включает в себя целый ряд тропов: оксюморон, сравнение, уточнение. Звукопись вышеуказанного произведения удивляет своим охватом по количеству слогов в соотношении с полнотой словесного смысла: «Изнывающий от нежности по ночам. / Невозможная женщина...» [1] – 7 слов, включая предлоги, и 6 шипящих: *щ, ж, ч, ж, ж, щ*. Очевидны аллитерации и ассонансы: *нжн/ео* (*нежности*) – *нжн/еоо* (*невозможная*).

Стихотворение наполнено молитвенным звуком *б* в начале и конце произведения: слова «любила тебя любовью больной, как Бог», «...бы боль. / (И мне) будет (о чём молчать)» окружают ассонансные «изнывающий (от) нежности (по) ночам. / Невозможная женщина...» [1].

В змеином шипении повторяющихся согласных ощутим и религиозный мотив искушения Евы в Эдеме, вкусившей познание и поплатившейся за это впоследствии болезненными муками рождения детей. Так и лирическая героиня уже понимает, что боль от знания станет ее наказанием.

Обратим внимание на лесбийский мотив произведения: автор не надевает масок, а говорит от первого лица в женском роде, при этом чувства адресованы женщине, что стирает особенности гендерных признаков, расширяя смысл любовного чувства как чувства безграничного.

Любовная лирика Светланы Лаврентьевой изобилует женскими образами. Рассмотрим, к примеру, стихотворение «Приезжай, пожалуйста, приезжай...», где интимное отношение к любимой конкретизировано строгими критериями, совершенно не вписывающимися в систему общества «не сестра, не мать, не жена, не боль – ни одна из тех, кто не спит в ночи» [2]. Кроме того, все вышеперечисленные существительные женского рода обобщаются словами «ни одна из тех, кто не спит в ночи» [2]. Дуальность

восприятия слов «ни одна из тех» указывает на уникальность и значимость женственной неповторимости воспетой автором любви.

Явно ощутим сексуальный контекст произведения, выраженный сперва аллегорической словесной прелюдией: «говорить с тобой, проникать в слова, начинать дышать под твоей рукой» [2], а далее переходящий уже в земную конкретику привычной реальности: «приезжай смеяться и целовать» [2].

Данное стихотворение, как и большинство произведений Кота Басё, написано монострофой, невелико по объему, насыщено повторами: лексема *приезжай* встречается 4 раза, акцентируя внимание читателя на безграничной тоске автора по любимому человеку: «приезжай, пожалуйста, приезжай», «приезжай смеяться и целовать», «приезжай, мой голубоглазый бог» [2].

Отметим, что в случае с текстом: «Я любила тебя любовью больной, как Бог...» слово *Бог* употреблено в своем первом значении 'Творец', а потому написано с большой буквы. В «Приезжай» словосочетание *мой голубоглазый бог* является метафорой.

Интересен хронотопный мотив в цепочке логических смыслов: «ключ к свободе – четыре часа пути» [2]. Очевидно, что эта фраза просто констатирует факт, как некоторое расстояние можно преодолеть за указанный промежуток времени. Но это тот самый количественный эталон, что является и ключом к свободе, и ключом к запуску сердечного механизма: «часовой механизм запускать в груди» и «приезжай, мой голубоглазый бог, это сердце не так без тебя стучит» [2].

Представленное лирическое произведение интимно и персонализировано, в нем без труда обнаруживается авторское начало: «я иду по городу – август тих» [2]. Явно прослеживается дорогой образ любимой женщины: «ты одна умеешь меня держать» [2]. На общее восприятие не влияют даже инфинитивные формы глаголов, представленные в стихотворении, поскольку они сопряжены с личными местоимениями или направлены на взаимодействие: «говорить с тобой, проникать в слова, начинать дышать», «ждать рассвета, переплестать пути. И встречать» [2].

Повелительное наклонение в совокупности с лексемой *пожалуйста* с первой строки выполняет функцию мольбы, указывает на безоговорочное желание увидеть возлюбленную: «приезжай, пожалуйста, приезжай», «приезжай смеяться и целовать, приезжай стремительно и легко», «приезжай, мой голубоглазый бог» [2]. А три последние фразы произведения, коронованные радостным финальным аккордом обретаемого, автор наполняет романтизмом и собственной мукой бессонного ожидания: «Я

иду по городу – август тих, звезды льются в ладони фонарных чаш. Ждать рассвета, переплестать пути. И встречать» [2].

Особое место занимает произведение «Мы опять ни имеем ни шансов, ни прав...». Один из немногих текстов Кота Басё, не очерченный точной гендерной принадлежностью. Ясно только одно: говорит лирическая героиня. Подобно цветаевскому надрыву, С. Лаврентьева начинает стихотворение с, казалось бы, кульминационной обреченности, когда уже острее быть не может: «мы опять не имеем ни шансов, ни прав», но не останавливается и сразу, через тире, делает вывод, перенося читателя в новую точку тьмы: «только выкрутить пробки и стать потемнее» [3, с. 111]. Первая строка будто заявляет: мы все обречены. Мы все обесцвечены. Не имеем прав. Только если не жить – быть в крошечной тьме. Куда еще острее? Однако в этих строках было единение хотя бы себе и двум людям, что придавало тому самому моменту без света хоть какого-то человеческого тепла. А дальше автор уже смело заявляет: «почему тебя нет ни online, ни in love, если я без тебя засыпать не умею?» [3, с. 111].

К проблематике никчемности человеческого существования добавляется тема одиночества, ненужности чувств лирической героини, ведь и просит она относительно немного – всего-то быть онлайн или хотя бы насладиться пустой болтовней любимого голоса: «позвони, расскажи мне забавную чушь – про невежливый ветер и злые трамваи, я тебя продышу, проживу, промолчу, я тебя удержу до рассвета словами» [3, с. 111]. Очевидно, что взаимной любви мешают обстоятельства, но их конкретика скрыта от читательского понимания: «иногда нас разводят по разным углам, как детей, что уже напроказили слишком...» [3, с. 111]. И вновь автор указывает на обреченность собственного одиночества, на отсутствие искусственного света как символ отсутствия душевного очага: «А сегодня – сидеть без назойливых ламп, просто ждать, когда ты наконец позвонишь мне» [3, с. 111]. И если, как указывалось выше, произведение начиналось с обобщенного «мы опять ни имеем ни шансов, ни прав» [3, с. 111], то заканчивается оно еще более надрывно и безнадежно, поскольку имеет цельную личностную направленность: «я б сама позвонила, чтоб это сказать, но ты помнишь – ни шансов, ни прав не имею» [3, с. 111].

В заключение отметим, что стихотворения Кота Басё невелики по объему, однако насыщены смысловым содержанием. Автор наследует чеховскую манеру говорить кратко о самом важном, цветаевскую меткость нащупывать больное место, резать по живому и пушкинскую точность звукописи. Светлана Лаврентьева идет в ногу со временем, ее произведения вписываются в канон модернизма, сохраняя уникальную манеру авторского повествования.

Библиографические ссылки

1. Лаврентьева Светлана. Я любила тебя любовью больной [Электронный ресурс]. URL: <https://cityinfo.info/quote/329065> (дата обращения: 24.01.2021).
2. Лаврентьева Светлана. Приезжай, пожалуйста, приезжай [Электронный ресурс]. URL: <https://lavrentyeva.space/texts/priezzhaj-pozhalujsta-priezzhaj/> (дата обращения: 24.01.2021).
3. Басёв К. День от субботы. СПб. : Издательско-Торговый дом «СКИФИЯ», 2018.